

умъ которой сразу развился послѣ долгаго покоя и инертности, здѣсь не было ничего непонятнаго

Давно уже ея холодное отеческое супружество тяготило ее точно тайна, въ которую она не разъ пыталась проникнуть. Теперь завѣса раскрылась, и день врывался со всѣхъ сторонъ. Пока ея бракъ со старикомъ стоялъ преградою какимъ-то смутнымъ порывамъ и неопредѣленнымъ желаніямъ, она терпѣливо сносила свою печаль и, быть можетъ, какъ и многія другія, умерла бы, чистая и покорная, въ своемъ невѣдѣніи; но слова доктора: «выдайте вашу дочь замужъ», подняли въ ней бурю возмущенія, ибо она видѣла два несчастія въ своемъ замужествѣ: здѣсь было двойное нарушеніе ея правъ, ея достоинства, ея положенія.

Слова: «выдайте вашу дочь замужъ» разомъ проникли и въ умъ и въ сердце ея. Эти слова всегда были въ ней: они жили въ ея мысли, они шумѣли въ ея ушахъ, они стояли предъ ея глазами. Во снѣ и на яву, то строго, то шутливо являлись ей эти слова и подчасъ принимали видъ образа, полного поэзіи.

Съ тѣхъ поръ ея слабость обратилась въ лихорадочное состояніе. Этотъ цвѣтокъ, надломанный и увядшій безъ росы и безъ солнца, вдругъ выпрямился и ожилъ. Стало быть, ея страданія не неисцѣлимы; стало быть, она не навѣки загублена...

О, какъ часто эта мысль терзала ея фантазію невыразимой мукой! Что сдѣлала